

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (14)

Сирийская национальная армия: российский взгляд

Кирилл Семенов, Российский совет по международным делам (РСМД)

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редакторы:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Автор

Кирилл Семенов

Кирилл Семенов – эксперт по военным вопросам и политический аналитик, ведущий научную деятельность в области ближневосточных конфликтов, в частности на территориях Сирии, Йемена и Ливии. Внештатный эксперт при Российском совете по международным делам, а также ведущий рубрики в «Аль-Монитор». Автор многочисленных статей для российских СМИ и некоторых научных исследований; также автор ряда разделов в книгах, посвященных конфликтам в Сирии, Ливии, Йемене, а также сирийской оппозиции. В период с 2000 по 2011 гг. проходил государственную гражданскую службу Российской Федерации.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя.

Опубликовано в ноябре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Введение

Осенью 2017 г. Совет исламских ученых Сирии озвучил инициативу о необходимости объединить все умеренные группировки сирийской оппозиции в Сирийскую национальную армию (СНА), которая, по сути, должна была стать проектом «Свободная сирийская армия 2.0». Тогда 80 % сирийских оппозиционных фракций, включая «Ахрар аш-Шам» и «Джейш аль-Ислам», а также большинство группировок Свободной сирийской армии (ССА) выразили готовность войти в состав СНА. Таким образом, процесс интеграции оппозиции в единую военную структуру с единой штатной организацией и командованием получил новый импульс впервые с 2012 года, когда Свободная сирийская армия так и не смогла объединить все оппозиционные силы под своим знаменем. В то же время можно с уверенностью сказать, что проект СНА опоздал на 5 лет: когда началось объединение повстанцев в новую армию, сирийская оппозиция по сути уже проиграла войну.

Более успешная реализация проекта «Сирийская национальная армия», в отличие от проекта «Свободной сирийской армии», связана отнюдь не с работой над ошибками, которую провела сама сирийская оппозиция, а с возросшим влиянием Анкары. Турция оказалась в состоянии поставить под свой контроль все оппозиционные силы Сирии. Это случилось после того, как все её конкуренты (такие как Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Соединенные Штаты и в некоторой степени даже Катар) один за другим потеряли интерес к сирийскому конфликту в целом и поддержке оппозиционных сил, в частности. Эти государства прекращали активное участие в сирийских делах либо переориентировались на взаимодействие с иными внутренними акторами, такими как преимущественно курдские леворадикальные «Сирийские демократические силы». В связи с этим Турция фактически становится безальтернативным партнером оставшихся «на плаву» и сохранивших свою боеспособность группировок сирийских повстанцев. Их выживаемость стала определяться не боевыми возможностями вооруженных сил самой оппозиции, а способностью турецкой стороны политическими, а с февраля 2020 года и военными методами противодействовать планам Дамаска и Москвы по окончательному решению проблемы Идлиба.

Формирование и структура

Собственно, СНА и формировалась в районах так называемого турецкого «протектората» или «буфера», то есть в тех регионах Сирии, где могут действовать турецкие вооруженные силы, прикрываемые турецкой авиацией: таким образом сводились к минимуму возможности Асада и его союзников по проведению военных операций, нацеленных на взятие этих территорий под контроль. Данный «протекторат» оформился в результате двух операций – «Щит Евфрата» (24 августа 2016 — 29 марта 2017 гг.) против ИГИЛ и «Оливковая ветвь» (20 января – 24 марта 2018 г.) против курдских Отрядов народной самообороны (ОНС) – проведенных турецкими вооруженными силами совместно со своими сирийскими союзниками из числа подразделений ССА и связанных с ней группировок. Именно эти сирийские фракции и стали основой СНА. При этом турецкие военные принимали непосредственное участие в переобучении и перевооружении присоединившихся к проекту СНА оппозиционных сил.

На первом этапе формирования СНА в зонах операций «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь» в Северном Алеппо в ее составе были развернуты три (1-й, 2-й и 3-й) корпуса или, как их иногда называют, «легиона». Кроме опытных бойцов-революционеров в этих

соединениях СНА значительную часть составляют новобранцы из числа сирийских беженцев, жителей Идлиба и региона Северного Алеппо, которые прежде не принадлежали к какой-либо оппозиционной фракции и не участвовали в операциях против сил режима Асада. При этом приоритет отдавался лояльным Турции рекрутам, прежде всего этническим туркоманам, чья численность в составе СНА непропорционально велика.

Так, численность некогда небольшой оппозиционной фракции – дивизии «Султан Мурад», сформированной из туркоманов еще в 2013 году и насчитывающей в 2016 году не более 1300 бойцов – в составе СНА значительно возросла. Из состава «Султан Мурад», в частности, были развернуты 21-я и 24-я дивизии СНА. Это же относится и к иным туркоманским фракциям. В то же время после того, как в августе 2019 года в состав Сирийской национальной армии вошли группировки (в полном составе) Национального фронта освобождения (НФО) и «Джейш аль-Иzza», было принято решение сформировать в Идлибе еще четыре корпуса СНА (4-й, 5-й, 6-й и 7-й) из этих сил.

С мая 2020 года Турция реализует в Идлибе программу «Обучи и оснасти», в рамках которой переподготовку и перевооружение проходят более 14 тысяч бойцов СНА, побатальонно прикрепленных к созданным в регионе турецким опорным пунктам. Неясно, участвуют ли в данном процессе группировки НФО или же это касается только подразделений СНА, которые были введены туда из районов операций «Оливковая ветвь» и «Щит Евфрата». Также идет процесс постепенного сокращения количества и ограничения самостоятельности группировок, входящих в состав СНА. Так, на первом этапе реформирования, вероятно, предполагается оставить в составе СНА в каждом из корпусов только несколько наиболее крупных группировок. На втором этапе Анкара, по всей видимости, постарается «растворить» уже и эти группировки и по возможности «перетасовать» их состав.

Так, в августе были распущены некоторые небольшие фракции, чей личный состав был перераспределен между соединениями СНА. Например, командование 3-го корпуса СНА распустило «Дивизию 23» ССА (имя собственное группировки, не путать с 23-й дивизией СНА) из 343-й бригады (34-я дивизия 3-го корпуса СНА) в рамках работы по приведению сил корпуса к единой штатно-организационной структуре. Ранее Анкаре удалось принудить к реформированию иные группировки, входящие в 34-ю дивизию СНА, в частности, «Лива ас-Салям», «Дивизию 51» (341-я бригада), а также «Файлак аль-Маджд» (345-я бригада). По всей видимости, подобные процессы происходят и в иных корпусах и дивизиях СНА.

Политическая функция СНА

Сирийская национальная армия – структура сирийского временного правительства, действующего под эгидой НКСОРС в турецком Газиантепе. Командующий СНА также занимает пост министра обороны временного правительства. Кроме того, СНА участвует в работе конституционного комитета, куда входят и отдельные делегаты от её группировок. Эта черта переносит СНА на качественно новый уровень по сравнению со всеми предыдущими объединениями оппозиции.

Следует отметить, что, когда в декабре 2015 года был создан «Высший комитет по переговорам», для России наиболее неприятным моментом стало именно объединение

вооруженной и политической оппозиции в рамках единой платформы. Тогда Москве стало сложнее использовать аргументы об оторванности эмигрантских структур-оппонентов Асада от реалий, отсутствия у них связей с противостоявшими Дамаску с оружием в руках группировками, контролирующими те или иные районы страны¹. Точно так же институционализация СНА и ее превращение в подчиненную сирийскому временному правительству структуру, вероятно, вызывает наибольшие опасения у российской стороны.

Теперь речь может идти о том, что в случае срыва российского-турецкого диалога по Сирии у Анкары есть все ресурсы для создания «альтернативной Сирии» со всеми атрибутами государственности на территориях, находящихся под контролем СНА. Это районы со значительными человеческими ресурсами, правительством, штаб-квартиру которого можно перенести из турецкого Газиантепа в сирийский Идлиб, и армией – СНА, – подчиненной этому правительству.

СНА и ХТШ: разные ли это структуры на самом деле?

В связи с этим Россия будет пытаться дискредитировать СНА, в том числе и для того, чтобы представить структуру если не в качестве экстремистской или террористической группировки, то, как минимум, как организацию, непосредственно связанную с террористическим альянсом «Хайат-Тахрир аш-Шам» (ХТШ). Надо отметить, что руководство СНА и Турция сами часто дают поводы для подобных спекуляций.

Так, Турция до сих пор не использует силы СНА для нейтрализации ХТШ в Идлибе, несмотря на достигнутые между Москвой и Анкарой договоренности (Сочинский меморандум), подразумевающие необходимость ликвидации там террористического присутствия. Кроме того, во время агрессии ХТШ против «Национального фронта освобождения» (НФО) в марте – апреле 2019 года СНА не предприняла никаких мер по поддержке группировки «Нур ад-Дин аз-Зенки» из НФО, разгром которой происходил фактически на глазах и при полном попустительстве СНА. Это привело к тому, что силы НФО оказались фактически в подчиненном ХТШ положении, а на смену местным оппозиционным советам и иной гражданской администрации в Идлибе пришли органы аффилированного с ХТШ так называемого «Правительства спасения».

После присоединения НФО к СНА в октябре 2019 года возникли оптимистичные ожидания, что итогом этого станет окончательное «размежевание» сил оппозиции и радикалов ХТШ. Однако подобные надежды не сбылись. В ходе операции «Рассвет Идлиба», проводимой силами режима Асада и России в 2019–2020 гг., НФО и ХТШ активно взаимодействовали друг с другом и создали единое командование «Аль-Фатх аль-Мубин». Это прямо сказывается на имидже всей СНА, так как после октября 2019 года НФО воспринимается как часть СНА, которой она официально является.

Показательно, что во время военных операций весной 2017 года умеренная оппозиция, тогда еще не интегрированная в НФО и СНА, отказывалась создавать единые штабные структуры с ХТШ, располагая собственным военным командованием «Эхо Леванта». При этом ХТШ и иные радикальные группировки действовали в рамках собственного

---

¹ ХОДЫНСКАЯ-ГОЛЕНИЩЕВА, Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, МГИМО. Москва, 2018 г.

командования «Мы идем по пути Аллаха». Поэтому у российской стороны есть сомнения в том, что размежевание умеренной оппозиции и радикалов в Идлибе состоялось, поскольку умеренная оппозиция, будь она полностью независима от ХТШ, могла бы создать собственное военное командование, как это произошло в 2017 году.

То есть несмотря на вхождение НФО в состав СНА, говорить об их реальном объединении пока преждевременно. Напротив, такое условное объединение без практических шагов к полноценной интеграции лишь негативно отражается на положении самой СНА. Поскольку НФО действует в рамках «Аль-Фатх аль-Мубин» совместно с ХТШ, для российской стороны это достаточный повод для того, чтобы считать позиции СНА в Идлибе «законной целью». Существует вероятность, что данный прецедент при необходимости может распространиться и на иные удерживаемые силами СНА фронты, где отсутствуют какие-либо радикальные элементы, связанные с ХТШ. Например, сирийский северо-восток.

Члены СНА: сирийские или турецкие наемники? Бойцы или преступники?

Российская сторона также приводит тезис о том, что СНА уже не может считаться сирийской оппозицией и каким-либо образом представлять сирийцев, так как ее бойцы являются не просто прокси, а турецкими наемниками, которых Анкара может использовать в любой точке мира, где посчитает нужным. Подобный подход возник после того, как сирийские наемники из числа группировок СНА появились в Ливии. В конце сентября 2020 года бойцов СНА заметили уже в зоне армяно-азербайджанского конфликта в Азербайджане. Хотя, конечно, вряд ли эти обвинения можно распространить на всю Сирийскую национальную армию, так как в Ливии, как и в Азербайджане, задействованы не все группировки СНА, а лишь некоторые: «Султан Мурад», «Аль-Хамза», «Сулейман-Шах» и ряд иных.

Еще одной российской претензией к СНА является её якобы криминальный характер: в зоне контроля СНА фиксируются массовые нарушения прав местных жителей, захват их имущества, похищения людей, а командиры СНА ведут вооруженную борьбу за передел сфер влияния. Нужно отметить действительно серьезную работу по повышению дисциплины, которая была проведена в рядах СНА, а криминальные и наиболее конфликтные группы в рамках СНА были разгромлены в ходе специальной военной операции, проведенной в ноябре 2018 военной полицией СНА при поддержке турецкого спецназа.

Будущее СНА: еще одна сфера российско-турецкого сотрудничества?

Будущее СНА зависит, прежде всего, от характера взаимодействия Москвы и Анкары в Сирии и от готовности Турции предоставлять этой структуре свою вооруженную защиту.

- 1) Наиболее пессимистичный для СНА сценарий – это кардинальное изменение позиции Турции по Сирии и отказ Анкары от удерживания не только Идлиба, но и районов операций «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» и «Источник мира». Хотя при нынешней власти в Турции такой сценарий едва ли кажется реалистичным, тем не менее его исключать нельзя. Как минимум не определены сроки нахождения турецких войск в САР и программ помощи СНА – это говорит о том, что Анкара может в любой момент свернуть свое присутствие в Сирии и прекратить поддержку СНА.

Однако в подобной ситуации СНА вряд ли полностью прекратит свое существование – некоторые группировки могут продолжить выполнять роль турецкого «инострannого региона», и тогда они окажутся в тех регионах, где у Турции есть интересы. Помимо Ливии, Азербайджана и Ирака, нельзя исключать их появление, например, в странах Африки к югу от Сахары и на Африканском роге.

Другая часть СНА при этом сценарии, по всей видимости, «примирится» с режимом Асада при поддержке России. Скорее всего, такое «примирение» реализуется по примеру и схеме примирения в Дераа и Кунейтра. При этом масштабы интеграции оппозиционных группировок северо-запада в состав проправительственных могут быть значительно выше, учитывая их большую численность.

- 2) Второй сценарий предполагает сохранение нынешнего статуса-кво с незначительными или более существенными изменениями, в случае если мирный процесс будет затягиваться, но диалог Москвы и Анкары тем не менее продолжится. В этом случае следует, вероятно, ожидать усиление позиций СНА, укрепление ее боеспособности, в том числе за счет участия ее сил в конфликтах в Ливии и на Карабахе. Если Анкаре удастся отстоять Идлиб, то рано или поздно СНА будет в состоянии либо подавить радикалов ХТШ, либо заставить их руководство распустить организацию с учетом перехода ее боевиков в ряды СНА.
- 3) Третий сценарий уже упоминался; он является более глубоким развитием второго. Это создание на территориях, контролируемых оппозицией, «альтернативной Сирии» (или, как отмечают некоторые эксперты, «Турецкой республики Северной Сирии» по аналогии с Кипром), с переносом структур правительства из Газиантепа на сирийскую территорию. Такое возможно и в случае, если российско-турецкий диалог по Сирии зайдет в тупик, или же просто произойдет разрыв российско-турецких отношений по примеру 2015 года, но при этом Москва сочтет слишком рискованным вступать в прямое противостояние с Анкарой в Сирии, к чему неизбежно приведет попытка решить проблему оппозиционных территорий силовым путем.
- 4) Четвертый сценарий подразумевает реальные подвижки в мирном процессе вплоть до готовности сирийского режима к серьезным уступкам и политическим реформам. Это может произойти, предположим, в случае экономического коллапса и нового социального взрыва в Сирии. Тогда СНА может стать полноценной частью сирийских вооруженных сил, войдя в их состав без какой-либо процедуры «примирения» и сдачи тяжелых вооружений. Допустим, все 7 корпусов СНА могут превратиться в 7 новых дивизий сирийских вооруженных сил, из которых будет развернуто 2 новых полноценных армейских (а не «добровольческих штурмовых») корпуса во главе с командирами из СНА. Тогда же представители командования СНА или генералы-диссиденты должны будут получить должности в Министерстве обороны и Генеральном штабе.

Тем не менее подобный сценарий пока российской стороной не рассматривается. Единственная возможность интеграции СНА в силы режима в настоящее время может осуществляться лишь путем «примирения», сдачи тяжелого вооружения и

вхождения отдельных (но далеко не всех) подразделений США в состав сил 5-го добровольческого штурмового корпуса или, возможно, каких-то вновь созданных структур (6-й и 7-й штурмовые корпуса). Однако США и Турция уже не согласны с таким сценарием интеграции.